«СЕВЕРНАЯ ПРАВДА»
г. Кострома
19 ЯНВ 1973

1823 А. Н. ОСТРОВСКИЙ 1973

ВИД НА КУЕКШУ

ЩЕЛЫКОВСКИЙ парк, в глубине которого стоит мемориальный деревянный дом А. Н. Островского, является крупнейшим в Костромской области. Этот парк начал оформляться при отце великого драматурга, а Александр Николаевич тоже «приложил руку» к его созданию и превращению в замечательный уголок природы — им, в частности, в 1870 годах была посажена купа из 10 пихт перед фасадом усадьбы.

С тех пор минуло целое столетие. Конечно, за столь долгое время облик парка частично изменился: подросшие по спуску горы липы закрыли обзор с южной террасы дома, луг над Куекшей густо зарос ольховником, исчезли старые аллеи, не сохранились и цветники вокруг мемориального здания. Но всем, кто бывает в Щелыкове, хочется увидеть парк именно таким, каким он выглядел при А. Н. Островском.

В связи с предстоящим 150-летним юбилеем со дня рождения А. Н. Островского начались работы по восстановлению парка. Осуществляются они по проекту и ведутся под непосредственным руководством специалистов Всесоюзного объединения «Леспроект» Ю. П. Пилипенко и В. А. Агальцовой. Известные ландшафтные архитекторы, они уже проводили подобные работы в Ясной Поляне и Спасском-Лутовинове, Михайловском и Карабихе, Тарханах и Болдине. В Щелыкове их консультантом стала внучка драматурга 77-летняя Мария Михайловна Шателен, помнившая, каким был парк много десятилетий назад.

Источниками служили воспоминания, старинные планы и фотографии, остатки пней, отдельные уцелевшие деревья с возрастом в 120—140 лет. Постепенно вырисовывался облик парка времен А. Н. Островского.

Чтобы выросло дерево, нужно ждать долгие годы, однако уже и сейчас заметны в щелыковском парке результаты большой работы, проделанной бригадой Костромского горзеленхоза под руководством столичных специалистов. Восстановлена любимая Островским «сиреневая дорожка», сделана еловая обсадка дорожки, ведущей к купальне. Вновь заложена на спуске к Куекше березовая аллея, существовавшая в прошлом столетии.

Известно, что драматург часто любовался с южной террасы видами на Куекшу и ближайшие села. С тех пор на территории усадьбы поднялись высокие деревья, по склонам горы густо разросся кустарник — они закрыли обзор. В настоящее время уже раскрыта перспектива от бывшего «гостевого» дома к пруду с островом (кстати, на самом острове сделаны посадки березы).

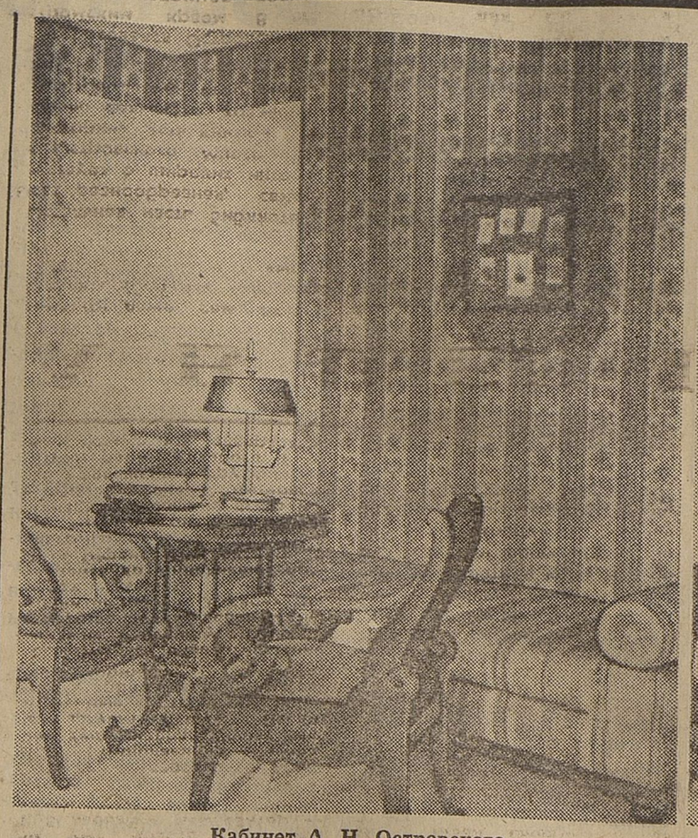
Александр Николаевич любил цветы — они постоянно стояли в комнатах его дома, который был окружен цветниками. Планировка цветников восстановлена, и в юбилейном году рядом с мемориальным зданием зацветут тюльпаны, нарциссы, пионы, флоксы, ирисы, астры и т. д. Помимо цветов, заложен и декоративный кустарник: сирень, желтая акация, чубушник (жасмин) и др. Оформлена терраса перед южным фасадом дома, по веранде восстановлены посадки амурского винограда.

Большое значение имеет благоустройство парковой территории, примыкающей к мемориальному зданию, и, в частности, планировка дорожек и тропинок перед его северным фасадом. При этом необходимо, чтобы дорожки вписывались в окружающий пейзаж, были незаметны. Предусмотрена постройка щебеночной дорожки (из красного кирпича) от прогулочной аллеи к мемориальному зданию и далее, через калитки забора, вокруг него. Другим своим концом дорожка упрется в прогулочную аллею как раз против того места, где в 1973 году будет поставлен новый памятник А. Н. Островскому.

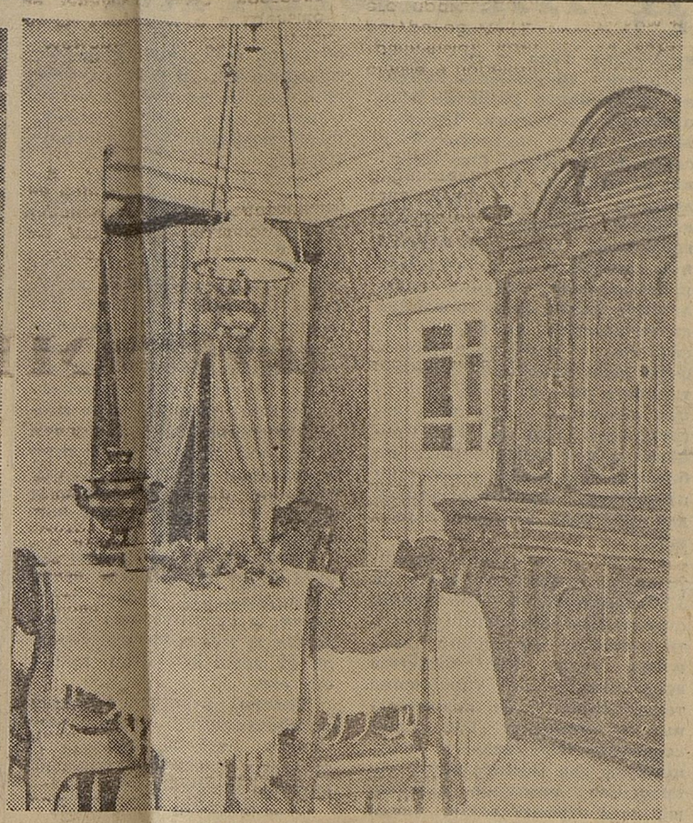
Старинный парк — одна из составных частей мемориального комплекса в Щелыкове. И естественно, что подготовке его к юбилею придается в музее-заповеднике важное значение.

В. БОЧКОВ.

Вновь заложенная аллея в Щелыкове.
Фото **К. Стольникова.**



Кабинет А. Н. Островского.



Столовая в доме-музее.

ДОМ ДРАМАТУРГА

ДОМ Островского — усадебной архитектуры двухэтажное барское здание XVIII века. Терраса с фасадной стороны имеет два крыльца по бокам и четыре колонны посредине. Через небольшую прихожую мы попадаем в столовую. И сразу осознаем прелесть старинного русского интерьера. Здесь все до мельчайших деталей сохраняет стиль комнатного убранства середины прошлого века: и редкие, гнутые «коромыслом» ореховые карнизы на окнах, и способ драпировки занавесей, и сама их ткань, и сияющие латунные приборы на окнах и печах, и чехлы на стульях, обитые красным кантом, и сама расстановка стульев — очень чинная, продуманная.

Посреди комнаты стоит большой обеденный стол, называемый «стол-сороконожка». Это подлинная вещь семьи Островских. В именины хозяина и в другие праздники за этот стол усаживались до 40 человек.

Островский был очень гостеприимный, хлебосольный хозяин, и к нему постоянно приезжали отдыхать на лето друзья с семьями. Среди писателей, композиторов, художников у него было великое множество приятелей. Сюда, невзирая на трудности дальнего пути, приезжали писатели-костромичи: А. Ф. Писемский, С. В. Максимов, Е. Дриянский — знатоки народной речи, слововеды, фольклористы. Может быть, не без влияния этой дружбы Островский так любовно и с такой доскональностью воспроизводит исконную народную речь в своих творениях.

Но чаще, чем писатели, приезжали сюда друзья-актеры. Здесь почасту и подолгу гостили Ф. А. Бурдин, Н. И. Музиль с женой-актрисой, И. Ф. Горбунов, Д. В. Живокини, Н. А. Никулина, М. П. Писарев, И. Е. Турчанинов.

Охотно и часто приезжали к Островскому представители второго поколения династии Садовских — Михаил Провович Садовский и его жена Ольга Осиповна.

Тогда-то и начиналось застолье. Над столом висит чугунная, сделанная умельцами-мастерами керосиновая лампа, обнаруженная при реставрации музея на чердаке мемориального дома. У стены на столике стоит старинный тульский самовар с затейливыми завитушками крана. Это не только подлинная, но и фамильная вещь семьи Островских.

В комнате обилие цветов — к ним у хозяина дома было большое пристрастие. На стенах три литографии в ореховых рамках: «Птицеловы» В. Перова (с автографом автора), «Шекспир в кругу друзей» и копия с картины В. Перова «Утро чиновника, получившего первый орден».

Из столовой переходим в гостиную — небольшую комнату, в которой имеется застекленная дверь на южную веранду. Для гостиной характерны две детали: наличие двух симметрично расположенных по углам белых изразцовых печей и традиционно темный цвет обоев.

В центре между двумя изразцовыми печами стоит старинный музыкальный инструмент — фортепьяно. Здесь, в этой гостиной, фортепьяно служило источником музыкальных радостей для хозяев и гостей. Здесь музицировали и пели.

На стенах гостиной нет ни жанровых картин, ни пейзажей — здесь помещены только портреты. На стене, смежной со столовой, висит групповая семейная фотография — это дети А. Н. Островского. Их было шестеро: четыре сына и две дочери.

На противоположной стене в овальной бронзовой раме — живописный портрет знаменитого современника Островского, великого русского актера Прова Михайловича Садовского, родоначальника династии Садовских. Для Островского это был «первый друг и друг бесценный».

На южной стене гостиной по сторонам балконной двери помещены два портрета. Это братья драматурга. Справа — Сергей Николаевич, рано умерший. Слева — Михаил Николаевич, особо близкий Александру Николаевичу, человек высокообразованный, крупный государственный деятель (с 1881 по 1893 год — министр государственных имуществ). Он хорошо знал и любил русскую литературу, сам писал стихи. Именно с этим братом Александр Николаевич в 1867 году приобрел усадьбу Щелыково у своей мачехи Эмилии Андреевны, которая владела им по завещанию мужа с 1853 года. Михаил Николаевич очень любил брата Александра, гордился его литературным талантом, его успехом на драматургическом поприще. И когда цензура не пропускала произведения брата, он всячески старался помочь ему.

Из гостиной застекленная дверь ведет на южную веранду — продолжение гостиной в летние дни. Обстановка веранды состоит из большого «чайного» стола и кустарных, плетеных из ивняка кресел. Здесь пили чай вечерами, ужинали, читали вслух, спорили, иногда играли в карты.

Очень любил эту веранду Александр Николаевич, любил выходить сюда ранехонько утром, вслушиваться в птичьи переклички, и думать, и обдумывать.

И в последний день своей жизни Островский долго стоял на этой веранде, всматривался в знакомую заречную даль.

Третья дверь ведет в рабочий кабинет драматурга. Это уютная, светлая комната, в которой стоит огромный письменный стол с большими глубокими ящиками для бумаг и рукописей, сделанный руками самого Островского. Александр Николаевич очень любил заниматься столярным делом, «ленивого» отдыха не признавал, безделья не выносил.

За этим письменным столом писатель проводил многие часы, и, конечно, это были лучшие часы его жизни. За этим же письменным столом 2 июня 1886 года застигла его смерть от острой сердечной недостаточности. Он умер с пером в руках за переводом пьесы Шекспира «Антоний и Клеопатра».

Из кабинета мы попадаем в спальню Марии Васильевны — жены драматурга. Небольшая, с единственным окном, эта комната обставлена мебелью из московского дома Островских: массивная, резная, красного дерева кровать, мраморный умывальный стол, комод, туалетный столик с трехчастным зеркалом в резной раме, очень затейливый рукодельный столик красного дерева и низенькие мягкие кресла.

На акварелях художника Садкевича увековечены пейзажи Щелыкова конца прошлого века — «Сенокос в Лобаново», «Южная терраса в Щелыкове», «Церковь Никола-на-Бережках».

На комоде фото Марии Васильевны с младшей дочерью Любой. Фотографии остальных детей развешаны в кабинете — среди них есть и Мария Александровна. Ей и ее дочери ныне здравствующей Марии Михайловне Шателен «дом Островского» во многом обязан своим сохранением и воссозданием.

Мы выходим из дома опять в парк. И долго не покидает нас ощущение, что мы побывали в гостях у великого драматурга, который лишь «на минутку» отлучился от своего стола.

Т. ТОКУНОВА,
научный сотрудник музея А. Н. Островского «Щелыково».

ДРУЖБА

«К событиям осени 1883 года следует отнести посещение Тифлиса А. Н. Островским, нашим знаменитым драматургом, женатым на сестре моего друга А. П. Бахметева, проживавшего в то время в Тифлисе. У него Островский остановился, и у него-то я с ним познакомился», — так пишет композитор М. М. Ипполитов-Иванов в своей книге «50 лет русской музыки в моих воспоминаниях».

Встреча эта вылилась впоследствии в необыкновенно теплую и сердечную дружбу.

«Первая встреча с величайшим драматургом не могла не взволновать меня, — сообщает автор мемуаров, — и я, идя к нему со страхом и трепетом, думал о том, как я буду говорить с ним, чтобы уж очень не проявить своего невежества перед этим великим сердцеведом. Но страхи и опасения мои были напрасны, я сразу попал в атмосферу привета и ласки; через несколько минут я уже говорил с ним, как со старым другом, с которым давно не виделся и который участливо входит во все мои планы и намерения. Своей довольно грузной фигурой и серьезным сосредоточенным выражением лица со взглядом серых глаз, проникающим до самых сокровенных уголков души, он первое впечатление производил несколько суровое, но как только начинал говорить, то весь преображался, становился олицетворением доброты и участия, и вы без всякого с его стороны давления открывали ему все тайники души, заранее зная, как он к вам отнесется. Невольно чувствовались в нем дар сердцеведения и способность читать в человеческой душе, как в книге».

В то время Михаил Михайлович приступил к сочинению оперы «Руфь» по черновикам либретто А. К. Толстого и поэта Д. Н. Цертелева.

«Мне очень хотелось знать мнение Александра Николаевича относительно общего плана либретто, и я рассказал ему, что было сделано в этом направлении. Александр Николаевич очень заинтересовался, в какую поэтическую форму вылилась идиллия, и как работа удовлетворяет общим сценическим требованиям».

С большим волнением Михаил Михайлович принес ему либретто. И если Александр Николаевич милостиво отнесся к поэтической стороне работы, то жестоко раскритиковал сценическую и идиллическое развитие подверг беспощадной критике. «Отсутствие резких контрастов и однообразие настроений, — говорил Александр Николаевич, — утомляет слушателя, и произведение становится скучным, а зритель или слушатель, как известно, прощает все, кроме скуки».

Поэтому Александр Николаевич посоветовал оживить сценарий, внеся в либретто бытовые штрихи, введя сцену народного суда, тогда опера из однообразной идиллии превратится в интересную бытовую, полную жизни и движения.

«Я, конечно, был в восторге от этой идеи, но в то же время и смущен до крайности: кто же мне напишет текст и отделает в литературном отношении. Я высказал свои соображения Александру Николаевичу, не допуская даже мысли о возможности его участия. Но Александр Николаевич никогда и ничего не делал наполовину, поэтому, не откладывая, сейчас же приступил к совместному со мной обсуждению деталей новой картины. Через два часа я ушел от него ликующий с совершенно законченной сценой в кармане...»

«Расспрашивая о моих дальнейших предложениях, он с большим интересом отнесся также к плану задуманной мною второй оперы на сюжет одного предания, существующего в Тульской губернии в селе Ивановском, — о так называемых пережнихах. «Пережнихи», по народному поверию, сестры лесовиков, которые во время страдной поры уборки хлеба пережинают у крестьян хлеб и, скручивая колосья, затрудняют уборку, чем вредят урожаю...

Сюжет очень понравился Александру Николаевичу своим народным колоритом и глубоко трагической развязкой. Он просил прислать ему в Щелыково книжку журнала «Знание», где был помещен рассказ на сюжет этого предания, и мой сценарий, обещая написать для меня либретто. Журнал и сценарий были вскоре ему высланы».

Александр Николаевич горячо любил народную песню.

О своей поездке на Волгу в 1857 году, организованной редакцией «Морского сборника» для записывания народных мелодий, Островский со смехом рассказывал: «...я, чтобы запомнить мелодии, целый день пел их до хрипоты, а потом уже вместе с Вильбоа (К. Вильбоа — композитор. — Прим. ред.) мы их записывали».

«Песня, — говорил Александр Николаевич, — выражает душу народа, убьют песню, загубят душу». Песни, записанные Островским, находятся в архиве редакции «Морского сборника».

Вот это любовное отношение к музыке, к песне у драматурга хорошо почувствовал М. М. Ипполитов-Иванов. В своих мемуарах он пишет:

«Александр Николаевич пробыл в Тифлисе весь октябрь, и я встречался и беседовал с ним очень часто. Беседы наши касались больше всего искусства. Его очень интересовало положение грузинского театра, заря которого в то время только что загоралась. Присутствуя на спектакле грузинской труппы, данном в его честь, где его восторженно приветствовало местное общество, он обратил внимание на талантливую артистку Габунию. Ее талант поразил Александра Николаевича тем, что он, не зная грузинского языка, понял весь смысл по искренности ее исполнения».

Александр Николаевич говорил «...что вся поездка произвела на него прекрасное, освежающее своей новизной впечатление».

«В одной из наших встреч он рассказал мне о своем сотрудничестве с композиторами Серовым, Чайковским и отчасти Римским-Корсаковым».

Известно, что оперу «Вражья сила» Серов написал по народной драме Александра Николаевича «Не так живи, как хочется, а как бог велит». Произвольное истолкование персонажей драмы не могло удовлетворить Островского, и он не давал своего согласия Серову, настаивавшему на изменениях в либретто. «Мне все это надоело, — рассказывал Александр Николаевич. — Я предоставил возможность Серову самому решать музыкальные дела, решив больше никогда с композиторами не связываться».

Все же П. И. Чайковскому удалось вернуть А. Н. Островского к работе с композиторами. «Уступая просьбе Чайковского, к которому он давно питал самую нежную симпатию, Александр Николаевич с увлечением работал над либретто «Снегурочки» для Большого Московского театра, музыку к которой писал П. И. Чайковский.

...С какой-то особенной душевной теплотой Александр Николаевич говорил о музыке Чайковского к «Снегурочке», которая, очевидно, сильно мешала ему восхищаться «Снегурочкой» Римского-Корсакова».

Александр Николаевич всегда любил музыку несложную, простую, народную, а Чайковский в своей музыке к «Снегурочке» использовал народность музыки.

Призванный к управлению московскими театрами в 1885 году, А. Н. Островский весь отдался делу приведения в порядок общего управления и улучшения всего театрального дела в России. Вспоминая об этом периоде, М. М. Ипполитов-Иванов пишет:

«Последний раз я виделся с ним весною 1886 года. Приехав в Москву по делам Тифлисского театра, я прежде всего решил посетить Александра Николаевича, так как знал, что он на днях собирается выехать из Москвы в свое костромское имение Щелыково. Я встретил его в хлопотах и большом волнении. Переезд на новую казенную квартиру... Отправка семьи на лето в Щелыково... Служебные неприятности и собственное нездоровье — все это, вместе взятое, по-видимому, нарушило его душевное настроение... Несмотря на такие неподходящие для встречи гостя обстоятельства, Александр Николаевич и его семья приняли меня со свойственным им радушием и сейчас же повлекли к самовару, за которым полились воспоминания о Кавказе, рассказы о Щелыкове; это несколько подбодрило Александра Николаевича: он повеселел и вскоре увел меня к себе в кабинет, где и продержал меня часа два, расспрашивая о положении оперного дела в провинции...

Чувствуя и любя музыку, Александр Николаевич очень верно понимал задачи оперного театра. Он высказывал мне свое сожаление, что далеко не все провинциальные оперные театры могут быть школой для молодых певцов... Занятый переустройством общего управления театрами, он мечтал о создании не только народного драматического театра, но и такой же народной оперы. «Искусство, — говорил он, — во всех своих направлениях должно быть прежде всего народным». Слушая его, я жалел, что ему так поздно пришлось занять это место, когда организм его уже надломлен.

Прощаясь со мной, Александр Николаевич заговорил о своем обещании написать мне либретто на понравившийся ему сюжет из рассказа о Пережнихе, сценарий которого я ему выслал; при этом он ссылался на дела и нездоровье, до сих пор мешавшие ему это сделать. На мой вопрос, не написал ли он новой комедии к новому сезону, он махнул рукой и, прощаясь, ответил мне фразой из своей комедии «Волки и овцы»: «Ну уж, где уж, куда уж»... А вот либретто вам в Щелыкове все-таки напишу». На лице его опять засияла добрая, ласковая улыбка и скрылась за закрывшейся за мной дверью.

Хотя вид Александра Николаевича не произвел на меня успокаивающего впечатления, но я ушел под впечатлением его милой улыбки с радостной надеждой, что все это пройдет, в деревне он отдохнет и с новыми силами примется за любимое дело; словом, ничего угрожающего я не видел в его общем недомогании и тем сильнее почувствовал весь ужас его утраты, получив через месяц после нашего свидания телеграмму об его кончине».

«...Вернувшись после своего последнего свидания с ним, я под впечатлением наших бесед энергично принялся за окончание оперы «Руфь» на либретто А. Н. Островского. В конце августа 1886 года в Тифлисе приступили к ее постановке. Это было мое первое оперное детище. Были привлечены выдающиеся оперные артисты, художники, чтобы все оформить колоритно и стильно, как написал А. Н. Островский».

После смерти драматурга было учреждено общество имени А. Н. Островского, которое ставило своей задачей распространение его произведений среди народных масс. Особенно плодотворно работали филиалы общества в Петербурге, Твери, Костроме. Общество изменяло формы работы; после победы Великого Октября — это было общество драматических писателей и композиторов имени А. Н. Островского, председателем его состоял М. М. Ипполитов-Иванов.

Приближается 150-летие со дня рождения А. Н. Островского, но так же свежо звучат слова, сказанные в адрес великого драматурга его почитателями полвека тому назад:

«Пройдут годы, пройдут века, но типы, зафиксированные им, не исчезнут из памяти народной. Тит Титыч, Кабаниха и Катерина будут жить так же вечно, как живут герои «Илиады» в творениях Гомера. Все, что делалось им, делалось ради общего подъема духовных сил общества; в своих творениях он указывал пути к самоусовершенствованию и достижению известных идеалов, — в этом заключается его колоссальная нравственная сила».

Публикацию подготовила Л. КУКСИНА.

БИБЛИОТЕКА В ЩЕЛЫКОВЕ

ЛИЧНАЯ библиотека писателя... Как много она может рассказать о своем владельце, о его вкусах и пристрастиях... Как много можно почерпнуть из нее для понимания самого процесса творчества. Нужно только внимательнее присмотреться — заметки на полях, отчерки, дарственные надписи, сам подбор книг, их расстановка и т. д. и т. п.

В Пушкинском Доме в Ленинграде хранятся библиотеки А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, А. А. Блока... Они имеют большую историческую и культурную ценность.

Личная библиотека великого русского драматурга Александра Николаевича Островского — не исключение в этом ряду. Всю свою жизнь Александр Николаевич был страстным собирателем книг.

Сохранилось описание личной библиотеки драматурга, включающее в себя около 1.200 названий книг и журналов отечественного и заграничного изданий.

Каков же был состав этой библиотеки?

Естественно, что в основном это были произведения отечественного издания и, конечно, драматургия тут занимала самую значительную часть. Здесь почти весь репертуар русского театра от его истоков и до 80-х годов прошлого века. Драматург даже сам любил составлять сборники пьес из журнальных оттисков и вырезок.

Остальная часть библиотеки самая разнообразная, свидетельствует о широких интересах Островского. Много книг по истории, есть книги и по ведению сельского хозяйства, по цветоводству, огородничеству...

Интересовался Островский и костромским краем. В его библиотеке например, полная подшивка «Костромских губернских ведомостей» за 1848—1851 годы, «Описание Костромского Ипатьевского монастыря», составленное из подлинных монастырских бумаг, книги Я. А. Арсеньева «Описание Костромского Успенского собора», А. Д. Козловского «Взгляд на историю Костромы» (1840 г.), а также книга родного дяди драматурга Островского Павла Федоровича «Исторические записки о Костроме» (Кострома, 1864 г.).

Существует опись московской и щелыковской библиотек писателя, послужившая основой для создания отдельной книги «Библиотека А. Н. Островского» (описание), выпущенной библиотекой Академии наук СССР (Ленинград, 1963 г.). В ней дается полный список всех книг, составлявших эти две личные библиотеки драматурга, а также детально описываются все надписи и пометки, сделанные на книгах.

К сожалению, библиотека А. Н. Островского сохранилась не полностью. Эта сохранившаяся часть в настоящее время находится также в Пушкинском Доме.

Мемориальный дом - музей А. Н. Островского в Щелыкове задался целью воссоздания всей библиотеки драматурга. В настоящее время музею удалось уже собрать около трети личной библиотеки писателя.

Необходимо подчеркнуть, что воссоздание библиотеки А. Н. Островского никогда не мыслилось как нечто, лишенное малейшей утилитарной направленности. Отнюдь нет. Подлинное ее назначение — творческая работа на ее основе. Поэтому научная библиотека музея, помимо личной библиотеки драматурга, включает в себя еще и книги по следующим разделам: произведения А. Н. Островского (отечественные дореволюционные и пореволюционные, заграничные), критическая литература об А. Н. Островском и его произведениях, наиболее ценные и интересные издания XIX века, не вошедшие в библиотеку драматурга (среди них особую ценность представляют прижизненные издания А. С. Пушкина — «Братья разбойники» 1827 г., «Полтава» 1829 г., «Кавказский пленник» 1828 г., «Граф Нулин» 1827 г. и др.).

Собирается театральная библиотека, а также книги по истории и общим вопросам искусства.

Всего библиотека в настоящее время насчитывает 5.000 книг.

Воссоздание библиотеки драматурга и создание подлинно научной библиотеки на ее основе — процесс длительный и трудоемкий. Он еще не завершен и продолжается в настоящее время при всемерной поддержке Всероссийского театрального общества.

О. НАУМОВА,
зав. научной библиотекой музея А. Н. Островского в Щелыкове.